

Содержание

Пролог. Элла.....	9
-------------------	---

Часть первая. ИМПРОВИЗАЦИЯ

Неровная дорога. Элла	19
Всё о Еве. Мэрилин.....	31
Пока не придет настоящая. Элла	42
Джентльмены предпочитают блондинок. Мэрилин.....	57
Мужчина, который ушел. Элла	70
Мать Божья, смилуйся. Мэрилин	83
Я плакал в церкви. Элла.....	97
Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес. Мэрилин.....	107
Колыбельная «Бёрдлэнда». Элла	120

Часть вторая. РИТМ

Кто будет меня оберегать. Элла.....	135
Зуд седьмого года. Мэрилин.....	147
Старая черная магия. Элла	161
Река не течет вспять. Мэрилин.....	176
Они скажут, что мы влюблены. Элла	189
Обезьяньи проделки. Мэрилин	200
Сладко и горячо. Элла.....	213
Моложе себя и не почувствуешь. Мэрилин.....	220
Асфальтовые джунгли. Мэрилин	230
Блюз Пита Келли. Элла.....	240

Часть третья. ГАРМОНИЯ

Ниагара. Мэрилин.....	249
Любимый мой. Элла.....	262
Можешь не стучать. Мэрилин.....	274
Хотта Чоколатта. Элла.....	287
Пелена. Элла.....	300
Автобусная остановка. Мэрилин.....	311
Эта леди — бродяга. Элла.....	323
Как выйти замуж за миллионера. Мэрилин.....	333
Может быть, это не так. Элла.....	340
Принц и танцовщица. Мэрилин.....	347

Часть четвертая. МЕЛОДИЯ

Чертовски жарко. Элла.....	359
Баллада о Мэкки-Ноже. Элла.....	365
В джазе только девушки. Мэрилин.....	377
Займемся любовью. Мэрилин.....	387
Между дьяволом и морской пучиной. Элла.....	393
Неприкаянные. Мэрилин.....	402
Мое сердце принадлежит папочке. Мэрилин.....	415
Кто-то любит меня. Элла.....	424
Что-то должно случиться. Мэрилин.....	429
Будь счастлив. Элла.....	441
Эпилог. Элла.....	445
Журнал Ms.....	451
Благодарности.....	452
Послесловие.....	455

Пролог

Элла

Лос-Анджелес, Калифорния, 1972 год

Взять высокую ноту, до, потом опуститься ниже и начать скэт: бип-да-боп, даб-до-ди, ПАМ! В такие моменты я растворяюсь в ритме. Забываю обо всем. Мое тело, мышцы, кожа — каждая частичка меня знает, что делать. Не нужно ничего выдумывать. Достаточно быть здесь и сейчас. Вы наверняка хотя бы раз ощущали себя совершенной. Это чувство похоже на музыкальную ноту, темп или аккорд, песню, которая длится и длится.

Ну же, девочка. Ты нашла свое место под солнцем.

Слова и мелодия кажутся столь же естественными, как дыхание. Я забываю обо всем, кроме звуков музыки. Но совсем скоро мне придется вернуться в реальный мир.

Дует ветерок. Он приносит с собой аромат роз «крайслер империал»*. Я сижу за столом на террасе своего дома в Беверли-Хиллз, на железном стуле с подложенной для

* «Крайслер империал» (англ. Chrysler Imperial) — американский сорт роз, выведенный в 1952 году. Назван в честь одноименной модели автомобиля. — *Здесь и далее примечания редактора.*

удобства красно-белой подушкой. Подушка довольно пышная — под стать моей пятой точке. Не то чтобы меня это заботило.

Цветы и солнце радуют, но для апреля стоит страшная жара. Зонт над столом защищает от теплового удара, но не от пота на лбу.

— Элла, ты хочешь остаться здесь? — Раздвижная дверь открывается, и на террасу выходит Джорджиана, моя кузина. Как и всегда, она одета ярко — темно-синие брюки и длинный красный жилет поверх блузки в цветочек. Нам обоим хорошо за пятьдесят, но Джорджиана, в отличие от меня, не страдает от отекающих лодыжек и страха перед цифрой на весах. Она ловко и уверенно несет поднос с полным кувшином холодного чая, парой стаканов и длинными ложечками. Всякий раз, доставая из буфета этот кувшин, ее любимый, украшенный прихотливыми узорами, она рассказывает мне, что купила его в универмаге «Гимбелс». Но меня больше интересует, сколько на подносе сахара и лимона и почему Джорджиана так тонко нарезала банановый кекс.

— Это еще зачем?

— Только не делай вид, что забыла, — фыркает Джорджиана. — Я еще две недели назад говорила тебе про интервью.

Я помню. Просто не хочу его давать.

— Что еще за интервью?

— Такое же, как те, что ты давала сотни раз до этого. — Она ставит поднос на стол с громким стуком. Каким-то чудом ничего не разбивается.

— Неважно, сколько интервью я давала, мне каждый раз этого не хотелось, — говорю я, но мысленно смиряюсь со своей участью. — Для кого оно? Что за газета?

— Журнал Ms.*, я же рассказывала, Элла.

— Расскажи снова. — По растерянности в глазах Джорджианы я понимаю, что мой голос прозвучал жестче, чем я хотела. — Будь так любезна.

— Это интервью — особенное. Оно не про тебя.

— Тогда при чем здесь я?

— Оно про Мэрилин.

Моя рука, занесенная над банановым кексом, вздрагивает. Я опускаю ее и прожигаю Джорджиану взглядом, стараясь сохранять самообладание. Мне совершенно не хочется обсуждать Мэрилин.

— Почему ее просто не оставят в покое? Она уже десять лет как в могиле, а сплетни всё не утихают.

Джорджиана нетерпеливо вздыхает:

— Это специальный выпуск, посвященный десятой годовщине смерти Мэрилин. Там будет обсуждаться, что изменилось с тех пор в Америке, а что — нет. Особенно для женщин.

— Ты хочешь сказать, для белых женщин.

— Само собой, для белых, — тут же соглашается Джорджиана. — Но одна из основательниц журнала — негритянка. Дороти Питман Хьюз. Я проверила.

* Ms. (англ. «Мисс») — американский журнал, основанный в 1971 году журналисткой Глорией Стайнем.

— Почему я не видела этот журнал в газетных киосках?

— Потому что ты не подходишь к газетным киоскам. И разве я не говорила, что это новый журнал? — Она наливает стакан холодного чая. — Если нет, то говорю сейчас — он совсем новый. Но другая его основательница — Глория Стайнем. В Нью-Йорке поговаривают, что Ms. станет рупором феминизма в Америке. — Джорджиана направляется к клумбе, высаженной ближе всего к дверям террасы. Но уходить моя кузина не собирается. Вместо этого она начинает теревить стебли роз, поправлять листья и лепестки, будто без ее помощи бутоны не расцветут — хотя прекрасно справлялись с этой задачей каждый год с тех пор, как я высадила кусты.

— Давно пора было дать женщинам возможность высказаться, — настаивает Джорджиана. Она вечно пытается выставить себя современной женщиной. Но при этом не может оставить в покое мои розы. — Разве ты не согласна, Элла?

Я оставляю ее вопрос без внимания.

— У нас есть садовник, который ухаживает за цветами, Джорджиана. Займись своими делами.

Кузина косо смотрит на меня — этот трюк не так-то легко провернуть, стоя ко мне спиной. Даже не поворачиваясь, она прожигает меня взглядом.

— В августовском выпуске Ms. планирует опубликовать большую статью о Мэрилин. — Джорджиана опускает руку. — Ничего я твоим бесценным цветам не сделаю. — Она так сильно дергает ручку раздвижной двери, что та,

кажется, вот-вот сойдет с направляющих. — Журналистка придет с минуты на минуту.

У меня сосет под ложечкой.

— Не притворяйся, будто не знаешь, что я думаю о журналистах. Я никогда не любила с ними общаться.

— Мне показалось, на этот раз ты будешь не против, — говорит она.

— Я — то, чем я занимаюсь, Джорджиана. Я пою. Обсуждать другие темы ни к чему. Что я думаю или думала о Мэрилин — это мое личное дело.

— Ну-ну, как скажешь, — бурчит Джорджиана. — Я бы не шутила с Глорией Стайнем, Элла. Она представляет новое поколение. Тебе не помешало бы появиться на страницах журнала, который читает молодежь.

Я знаю, что она не отступит, но и сама сдаваться не собираюсь.

— Журнал, может быть, долго и не продержится. — Джорджиана бросает на меня взгляд через плечо. — Норман на это намекнул. Но вот твои слова о Мэрилин людям точно запомнятся.

— Когда это ты говорила с Норманом?

— На днях. Он услышал про статью и упомянул ее в разговоре.

Норман Гранц работал моим менеджером несколько десятков лет. Сейчас он живет в Швейцарии, но по-прежнему за мной приглядывает.

— Значит, мне надо придумать, что бы такое сказать.

Джорджиана закатывает глаза:

— Ну не упрямясья, Элла.

— Ничего не могу с собой поделаться.

Я смотрю, как она открывает раздвижную дверь и заходит в дом, а потом вспоминаю Мэрилин и наше с ней знакомство. Хорошие моменты и не очень.

Представьте, что вы участвуете в гонке, несетесь в «Ягуаре» по трассе Ле-Мана, соревнуясь в Гран-при по скорости и выносливости. Чтобы прийти к финишу первым, вы бесстрашно лавируете, разгоняетесь на поворотах, до упора выжимаете газ на прямых участках. На такой скорости прошлому вас не догнать. Вы мчитесь вперед, потому что знаете: остановиться — значит проиграть.

Я не останавливаюсь. Мэрилин тоже не желала останавливаться. Как и я, она хотела оставить прошлое за спиной, а боль — в зеркале заднего вида. Как и я, она хотела отогнать воспоминания о потерянных матерях, злых отчимах, сиротских приютах и ранних замужествах, распавшихся так быстро, что воспоминания о них похожи на сон.

Я никогда не хотела вспоминать прошлое. Это нелегко — отпустить столь большую часть себя. На момент встречи с Мэрилин я находилась где-то между прошлым и будущим. Я была королевой джаза, она — королевой большого экрана. Но на публике мы, как и все знаменитости, были совсем другими людьми, чем за закрытыми дверями.

Казалось бы, мы должны были повстречаться там же, где и остальные сливки Голливуда и шоу-бизнеса, — в ночном клубе или на церемонии награждения, в каком-нибудь задымленном уголке, где можно расслабиться.

Но нас не привлекали такие места. Нет, мы познакомились не случайно и не ради внимания журналистов. Нас свела песня.

Поначалу отношения между нами складывались не очень-то гладко. По крайней мере, для меня. Я была занята тем, что тосковала по давно прошедшей любви и пыталась компенсировать свои неудачи бесконечными живыми выступлениями и студийными записями. Однако Мэрилин каким-то образом удалось подобраться ближе. Ко мне нелегко втереться в доверие. Но эта девочка... Упорство могло бы стать ее вторым именем. Клянусь, другой такой не было. Она напоминала мне меня. А я ей, наверное, напоминала ее. Пока все не покатилося по наклонной.

Раздается звонок. Джорджиана открывает раздвижную дверь:

— Журналистка приехала. Мне остаться?

Я сую руку в карман юбки и достаю упаковку жвачки.

— Нет, все будет нормально. Я знаю, что сказать. Пригласи ее в дом. Я готова настолько, насколько это возможно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Импровизация

1952–1954 годы

Неровная дорога

Элла

1952 год

— Чем ты занимаешься, Элла?

Джорджиана стоит в дверях моей ванной комнаты и задает вопрос, на который я вот-вот отвечу. Но после вчерашней ночи мне трудно держать себя в руках. Мою уставшую голову переполняют эмоции, серьезные размышления, переживания о ее чувствах, о моих чувствах, о моем муже. Мне нужно сосредоточиться.

Или, может быть, мне нужно перестать себя накручивать и просто дать ответ.

— Я занимаюсь именно тем, что ты видишь, — сижу перед туалетным столиком и наношу макияж.

Судя по кислому выражению лица Джорджианы (она выглядит так, будто между зубов у нее застрял кусочек арахиса), мой ответ прозвучал чересчур грубо, так что я извиняюсь:

— Прости. Прости. Дай мне пару минут.

Джорджиана машет в воздухе стопкой писем:

— Уже полдень, тебе нужно ответить на письма, а через два часа у тебя встреча с модельершей на Манхэттене. Ты же

не забыла про новый гардероб? В Европу нельзя ехать в лохмотьях.

Я смотрю на ее отражение в трельяжном зеркале. Джорджиана одета в модный темно-синий костюм от Chanel, волосы у нее коротко подстрижены «под пуделя», а крупные жемчужные клипсы служат эффектным завершающим штрихом. Джорджиана всегда выглядит безупречно. А мысли ее занимают совсем другие проблемы, чем у меня.

Она заходит в ванную, внимательно глядя по сторонам, будто надеется что-то найти.

— Ты начнешь собираться или так и будешь смотреть на себя в зеркало?

— Может, и буду, — обиженно говорю я. Мне не нужно ни готовиться к выступлению, ни спешить на запись. Я была бы не против просидеть весь день в розовом халате и с розовыми бигуди в волосах. От усталости мне даже двигаться неохота.

Вчера поздно ночью я вернулась из Калифорнии после четвертых американских гастролей «Джаза в филармонии»*. Долгий перелет, спор с моим мужем Рэем и бессонная ночь меня вымотали. Джорджиана зря рассчитывала, что к полудню я буду бодра и полна энергии.

Я прожигаю кухню взглядом:

* «Джаз в филармонии» (англ. Jazz at the Philharmonic) — серия джазовых концертов, туров и записей, проходившая с 1944 по 1983 год. Организатором выступил джазовый продюсер и промоутер Норман Гранц.

— Почему ты вечно ко мне врываешься? Донимаешь. Мне это не нравится.

— Я ассистентка. Донимать тебя — моя работа. На самом деле ты не возражаешь, — говорит она. — Я врываюсь к тебе уже двадцать лет.

— И все же я имею право на личные границы, Джорджиана.

— Как и все мы, — протяжно отвечает она, по-прежнему пристально разглядывая ванную комнату, будто видит ее впервые.

В прошлом году я переоформила интерьер ванной после очередного разрыва с мужем. Мысленно я пытаюсь подсчитать эти разрывы. Кажется, в последнее время они происходят по два раза в месяц.

Пока я погружена в размышления, Джорджиана подходит к запасному табурету, который я держу в ванной для Рэя (или, скорее, держала для Рэя). Она прищуривается, глядя на душевую кабину, и задумчиво наклоняет голову.

Вдруг я понимаю, в чем дело.

— Рэй не прячется за розовой шторкой, Джорджиана. Можешь не искать, — говорю я непринужденным тоном. Моя злость никогда не слышна в моем голосе. Раньше я думала, что с возрастом это пройдет. Но за долгие годы спокойный тон не раз мне пригождался, и теперь, в тридцать пять, я не готова с ним расстаться.

Нависнув надо мной, Джорджиана чуть приседает — будто хочет меня обнять. Наверное, заметила, что я в расстроенных чувствах.

— Что это за помада? — Она протягивает руку, и я передаю ей тюбик Revlon оттенка «красный ворон». — Спасибо. — Джорджиана красит губы. — Как я выгляжу?

— Как я, только понарядней. И стройней.

— Элла, прошу. Не начинай. Сегодня такой чудесный день, не надо его портить.

— Все нормально. Я просто широка в кости, но зато знаменита. Так ведь написали в журнале Jet*, в той статье с ужасным названием «Знаменитые толстушки», да? Все делают вид, будто оказаться в этом списке было большой честью. Верно?

Джорджиана садится на табурет Рэя.

— Давай не будем снова обсуждать ту статью.

Я захопываю пудреницу.

— Почему журналисты вечно выбирают самые нудные темы?

Джорджиана громко вздыхает и кладет письма себе на колени.

После долгой паузы я решаю сменить тему:

— Мне нравится твоя прическа. Очень симпатично.

Она пожимает плечами:

— Не пытайся меня задобрить. Тебе все равно нужно поторапливаться. — Она собирает письма в стопку. — Ты хорошо себя чувствуешь? Я слышала вашу с Рэем ругань с другого конца дома.

* Jet (англ. «Джет») — американский еженедельный журнал, основанный в 1951 году.

Боже праведный! Мы правда так раскричались? Комнаты Джорджианы расположены далеко от моих. Мой тюдоровский особняк, как называет его Рэй, — самый что ни на есть тюдоровский из всех, с остроконечными крышами, каменной кладкой и облицованный кирпичом. В нем много просторных комнат и длинных коридоров. Я хотела, чтобы в моем доме было место и для близких, и для дальних родственников. Не только для Джорджианы, маминой сестры Вирджинии Уильямс и, конечно, моего приемного сына Рэя-младшего, но также и для многочисленных заглядывающих в гости кузенов, дядюшек и тетюшек. Мне хотелось, чтобы все, кого я люблю, могли уместиться под одной большой крышей.

— Не переживай, — говорю я Джорджиане. — Прости, если разбудили. Мы поссорились из-за Рэя-младшего. — В груди у меня по-прежнему бурлит раздражение. Я обожаю сына, но из-за постоянных разъездов вижу его совсем нечасто. Это меня очень расстраивает, о чем мой муж прекрасно знает — и знает, как надавить на больную мозоль.

— Почему Рэй каждые выходные разъезжает по гастролям «Джаза в филармонии» или с «Трио Оскара Питерсона», но упрекает меня в том, что мы не живем как семья? — Мне приходится ненадолго закусить нижнюю губу, чтобы она перестала дрожать. — Он говорит, что теперь-то я пойму, каково ему было последние два года. Что у меня никогда не было времени на него и нашего сына. — Я поворачиваюсь к Джорджиане: — Это правда? Я во всем виновата?

— Прости, Элла, но ты и правда много работаешь.

— Работаю? Пение — это не работа. Это моя суть, Джорджиана. Почему этого никто не понимает? Рэй не прекратит заниматься тем, что у него получается лучше всего. Так почему я должна остановиться?

— Я думаю, он не хочет, чтобы ты останавливалась. Просто немного притормозила.

— Ты на его стороне? Тогда скажи, кто будет оплачивать счета? А? Каждый человек в этом доме работает на меня. Если я брошу работу, кто тебе заплатит?

Джорджиана закатывает глаза:

— Ладно. Не горячись. Ты злишься на Рэя. Не срывайся на меня.

И зачем я стараюсь? Меня никто не понимает. Ни Джорджиана, ни тем более муж.

— Забудь. Давай поговорим о чем-то другом. — Я поворачиваюсь к зеркалу, беру пуховку и чересчур сильно хлопаю ею по щекам. — Что там за письма?

— Есть плохие новости, есть хорошие — или, точнее говоря, интересные. — Джорджиана достает одно из писем. — Нам ответили из клуба «Мокамбо».

Я замираю. «Мокамбо» — это площадка мечты. На Сансет-стрип расположены самые модные ночные клубы Америки. Но мне никак не удастся туда пробиться. Я расправляю плечи и собираюсь с духом.

— Давай, Джорджиана. Не тяни.

— Если верить их управляющему, на ближайший сезон свободных мест нет. Я связалась и с другими клубами на Сансет-стрип, Элла. Их расписания забиты.

— Ну еще бы — после того, как они услышали мое имя, — говорю я. — Если бы они отказали из-за моего цвета кожи, поспорить было бы проще. — Мой голос невольно срывается. — Дороти, Сасси, Эрта, Лина. Все они выступали на Сансет-стрип. Пели джаз, блюз, песни из мюзиклов — неважно. Важно то, что у них параметры девяносто–шестьдесят–девяносто.

Джорджиана вдруг оказывается рядом и тянется к моей руке, но я ее убираю.

— Мне не нужно сочувствие. Мне нужно запланировать выступление в клубе на Сансет-стрип.

— У меня есть идея. — Джорджиана все-таки сжимает мою руку. — Давай перестанем просить разрешения. Вся Америка знает тебя как леди Эллу, королеву джаза, а после зарубежных гастролей узнает и Европа. Тебе не нужен Сансет-стрип. Они сами останутся в дураках, когда мир полюбит тебя еще сильнее.

У меня становится тепло на душе.

— Ты знаешь, как меня поддержать.

— Просто говорю тебе правду. А на следующий год Норман Гранц запланировал гастроли в Австралию, на Гавайи и в Японию. Весь мир жаждет тебя увидеть, кроме нескольких захудалых клубов Лос-Анджелеса. Я не люблю ругаться. Это так вульгарно. Но в этот раз скажу — пусть катятся к чертям.

Я смеюсь, хоть и негромко:

— Хорошо, я поняла. Продолжу записываться и выступать там, где есть такая возможность.

Джорджиана улыбается, отбрасывает в сторону письмо из «Мокамбо» и берет другой конверт:

— Значит, можем двигаться дальше.

— Можем, — соглашаюсь я. — Так что там за хорошие новости?

— Письмо от восходящей голливудской звезды.

— Что? От поклонника? Хочет, чтобы я подписала обложку альбома или что-то в этом духе?

— Нет, — отвечает Джорджиана. — Ей нужна твоя помощь.

— Моя помощь, говоришь? Кто это и что за помощь ей нужна?

— Это Мэрилин Монро, и она хочет взять у тебя пару уроков пения.

— Что еще за Мэрилин? — Я прищуриваюсь, глядя на Джорджиану: — Ты про ту актрису, Мэрилин Монро?

— Нет, про оперную певицу. — Джорджиана корчит недовольную физиономию. — Да, та самая Монро. Которая снималась с Бетт Дейвис. «Всё о Еве». Ты сказала, фильм тебе понравился. Монро рассмешила тебя в сцене с вечеринкой.

— Да. Да. Помню, но я ничем не могу ей помочь.

— Почему? — спрашивает Джорджиана с неожиданным разочарованием. — Она просто хочет, чтобы ты научила ее петь.

— Я не могу этого сделать, — говорю я. — Я самоучка. В жизни не брала ни одного урока. И ты это знаешь. Если она хочет научиться петь, пусть заглянет к себе в сердце,

к себе в душу, если у нее вообще есть душа. Там она и найдет свой голос. И вообще, это точно не пиар-ход?

— Непохоже. Написано от руки на именной бумаге, — Джорджиана показывает мне письмо и тычет пальцем в выгравированные инициалы. — Мне ей так и ответить?

— Ничего не отвечай. Если кто-то спросит, сделаем вид, что не получали письма. Да и вообще, она наверняка забудет, что написала. Уверена, это было сделано на спор на какой-нибудь вечеринке в Беверли-Хиллз, одной из тех, где слишком много алкоголя и кто знает, чего еще. Просто выброси его.

Джорджиана говорит сквозь зубы:

— Не совершай ошибку. Тебе стоит ответить.

— Почему?

— Она пишет, что ты ее любимая певица. Почему бы тебе не ответить: «Прости, никак не получится», не отказать ей вежливо?

Я смотрю на нее и думаю: какого черта?

— Это не похоже на мою любимую кузину, — я приподнимаю бровь. — Разве что ты поклонница Мэрилин Монро.

— Может, и поклонница.

Я посмеиваюсь:

— Мне бы все равно не хотелось, чтобы ты отвечала.

Она фыркает:

— Ты же сама говорила, ты хочешь знать каждого, у кого есть деньги на твой альбом.

Я достаю из кармана юбки пачку мятной Wrigley's.

— Я видела ее в одном-единственном фильме с Бетт Дейвис. Дейвис мне нравится, но ей я бы тоже не стала давать уроки пения. — Я закидываю в рот пластинку жвачки.

— Я все-таки ей напишу, — Джорджиана цокает языком. — Мисс Монро ни к чему знать, что ты не удосужилась даже вежливо ей отказать. — Она засовывает письмо обратно в конверт.

— Делай что хочешь. — Я снимаю бигуди так резко, будто они загорелись. — Что дальше?

— Одевайся, чтобы мы успели к модельерше в Манхэттен. — Она собирает письма и поднимается с табурета.

— Дай мне пятнадцать минут. Ладно?

Джорджиана вздыхает:

— Пустые обещания.

Мы успеваем в ателье «У Зельды» до закрытия. Как только я оказываюсь внутри этого бутика на Среднем Манхэттене, во мне просыпается страх перед примерками и модельерами. Я напрочь забываю про Сансет-стрип и Мэрилин Монро.

Я люблю одежду, но не такую — модную, дизайнерскую. Мне больше по душе готовая одежда, а также меховые накидки и норковые шубы. При росте метр шестьдесят пять я ношу восемнадцатый размер, и большинство знаменитых модельеров хмурятся, стоит мне сделать шаг в их царство.

Мадам Зельда говорит, что она не такая. Как только мы заходим в ее ателье, она заявляет, что полная женщина — это еще одна клиентка, для которой она может сшить прекрасную одежду.

— На вас это платье будет смотреться не хуже, чем на манекене.

Несколько минут спустя я шепотом говорю Джорджиане на ухо, что совсем не прочь сыграть роль гигантской игольницы для столь талантливого и обходительного человека, как мадам Зельда.

Ее полное имя — Зельда Винн Вальдес, и ее платья и костюмы пользуются огромным спросом. Она стала одной из первых негритянок, открывших свой бутик на Манхэттене. Вдобавок она председатель нью-йоркского отделения Национальной ассоциации дизайнеров одежды и аксессуаров, созданной Мэри Маклеод Бетюн. По дороге Джорджиана ввела меня в курс дела. Но больше всего меня впечатлила прямолинейность Зельды и ее искренняя улыбка. Я моментально стала ее поклонницей.

Мы с Джорджианой собираемся уходить спустя несколько часов замеров и лекций про пайетки и атлас, когда в ателье заходит Дороти Дэндридж. Дружелюбно с нами поздоровавшись, она рассказывает, что прилетела с Западного побережья на фотосессию.

Она такая милашка, никому не желает зла, но сегодня ей не стоило делиться своим мнением о клубе «Мокамбо».

— Это возмутительно, что мне довелось выступить на Сансет-стрип раньше тебя. Ты ведь королева джаза.

— Да, это несправедливо. — Надеюсь, за вежливой улыбкой не видно моих сжатых зубов.

Я чувствую на себе взгляд Джорджианы и смотрю в ее сторону, чтобы подтвердить свою догадку. Джорджиана

приподнимает бровь, предупреждая меня суровым изгибом губ.

Разозлившись, я порой начинаю нарываться на неприятности. Меня так и подмывает спросить мисс Дэндридж, не считает ли она, что попасть в «Мокамбо» ей помогли точеная фигурка, сравнительно светлый оттенок кожи и соблазнительные губы.

Джорджиана вдруг возникает рядом со мной, извиняется за то, что нам пора, и подталкивает меня к двери.

Обменявшись с Дороти мимолетной улыбкой, еще более торопливыми объятиями и помахав ей на прощание, мы с Джорджианой выходим на улицу и направляемся к лимузину.

— Вот поэтому у тебя так мало друзей, Элла.

— Я ничего не говорила.

— Еще как говорила. Все, что ты хотела сказать, было написано у тебя на лице.

Я морщу нос. Не то чтобы Джорджиана ошибалась, но некоторые вещи изменить нельзя. Так что я на нее не смотрю. Я иду, опустив голову, и считаю трещины на асфальте, пока мы не садимся в машину.

Всё о Еве

Мэрилин

1952 год

Машина ждет на улице, и Мэрилин почти готова к выходу.

Она берет тюбик красной помады Max Factor оттенка «коралловое сияние», красит губы так, как делала с тринадцати лет, и наносит тушь на длинные ресницы. Преображение никогда не занимало много времени, что тогда, что сейчас. Становясь Мэрилин, Норма Джин заставляет мужчин тяжело дышать, высунув язык, как волки, а женщин — шипеть, как змеи.

На ее жемчужно-белых зубах остается пятно от помады. Она промакивает губы салфеткой, потом посылает своему отражению воздушный поцелуй и громко чмокает, заставляя саму себя захихикать.

— Я Мэрилин Монро. — Имя чувственно стекает с ее рубиновых губ, будто подтаявший шоколад или дорогое шампанское. Такое имя сложно забыть, по крайней мере сейчас. Все думали, что она нашла свое место под солнцем. Но ради каждой роли, даже самой незначительной, ей приходилось долго сражаться в тени.

Раньше — на протяжении нескольких лет — она была голодающей актрисой, которая плакала в своей съемной комнатухе после того, как не один и не два, а целая толпа циников говорили ей, что она недостаточно фотогенична, недостаточно талантлива.

Что ее слишком легко забыть.

Ее оценивали, снабжали ярлыком и откладывали в сторону. Засовывали ее новую личность в ту же коробку, что и старую, будто между ними нет никакой разницы. В те дни ей бывало одиноко. Совсем как тогда, когда она жила в сиротском приюте или подобно многим другим детям, оставшимся без надзора, прислуживала своим опекунам.

Там про нее тоже позабыли.

А потом что-то случилось. Немного внимания — и не того, о котором мечтают большинство девушек, плохого внимания, — и теперь она может хоть каждый день есть филе-миньон. Но для этого ей нужно спрятать Норму Джин подальше. Нужно держать свою настоящую сущность в тайне.

Мэрилин берет с обувной стойки белые туфли на десятисантиметровых шпильках и надевает. Они идеально подходят к ее облегающему белому платью.

Эта женщина — Мэрилин — должна оставаться той, кого все вождедеют. Платиновая блондинка с блестящими локонами. Приоткрытые губы и заразительный хрипловатый смех. Широко распахнутые, невинные, влекущие голубые глаза. Фигура, ноги, грудь. Маникюр и педикюр. Шелковистая кожа. Идеальная секс-бомба,

даже если она никогда не окажется в постели ни с кем из этих мужчин.

Волки получают пять за старание, но двойку — за все остальное. Проходимцы.

Последний взгляд в зеркало. Она выглядит безупречно.

Даже сидя в воображаемой коробке, Норма Джин никуда не девается — она цепляется за край, заглядывает в щель между слоями картона и ждет того дня, того часа, когда она сможет выбраться и немного побыть собой. Тех часов, когда она ляжет и будет читать книгу, чтобы узнать что-то новое. Тех минут, когда бремя чужой жизни ненадолго спадет с ее плеч, стечет, подобно воде после горячей ванны с эфирным маслами, и она останется стоять нагой и чистой.

Но, может быть, она и не хочет быть Нормой Джин. В той девочке столько печали. Прошлое въелось в нее до мозга костей, прочертило карту из множества сожалений. Ну а Мэрилин может взять лучшее, что в ней есть, придумать новое — и вуаля, вот она.

Ее все желают. Другие женщины хотят ею стать. Мужчины хотят заниматься с ней любовью. Она — кумир для девочек, которые учатся красить губы, а постеры с ней висят на стене у мальчиков, которые едва испытали влечение.

Мэрилин берет сумку, открывает застежку, чтобы заглянуть внутрь, кладет помаду и снова закрывает.

Норма Джин была мечтательницей. Она представляла себя звездой с тех самых пор, как навестила на работе

мать, разрезавшую киноплёнку. От шелчка камеры фотографа на авиационном заводе, где она вносила свой вклад в победу, до первой эпизодической роли. Маленькие детали, постепенно складывавшиеся в единую картину. Никто не посмеет сказать, что успех дался ей легко. Она подлизывалась к важным шишкам, смеялась над их сальными шуточками, отстранялась от их прикосновений. Череда отказов проложила путь к заветному «да», в котором она нуждалась. К осознанию, что она не просто Норма Джин, очередная пустоголовая блондинка, мечтающая пробиться в Голливуде.

Мэрилин еще раз пшикает на себя Chanel №5 и идет к выходу. Со столика у дверей она берет конверт с адресом Эллы Фицджеральд. Это уже третье письмо ей.

Мэрилин обожает музыку. Вот бы она умела петь лучше! Когда она распевает у себя в гостиной любимые песни, написанные Эллой, Билли, Дорис и Сэмми Дэвисом — младшим, с которым у нее как-то раз завязалась интрижка, — ее голос звучит не так уж и плохо. Но перед зрителями она каждый раз начинает пищать, вновь проявляется заикание, от которого она так долго избавлялась, и Мэрилин отходит на второй план. Ее вновь сменяет Норма Джин.

Но недавно ей предложили роль в новом фильме — «Джентльмены предпочитают блондинок». Это комедийный мюзикл, от которого зависит ее карьера. Мэрилин хочет спеть безупречно. И ей это под силу. Она справится, если ей поможет кто-то вроде Эллы Фицджеральд.

*Дорогая мисс Фицджеральд,
А-Тискет, А-Таскет*,
пусть день к вам будет ласков...*

* * *

Мэрилин улыбается репортерам, выходя из студии NBC после записи эпизода «Текст заявления», сольного выступления из серии «Театр голливудских звезд». Она машет рукой, не глядя ни на кого конкретно, так, чтобы каждый решил, что жест адресован именно ему. Она прекрасно умеет работать на публику.

Мэрилин нервничала перед выступлением на радио в прямом эфире. На съемках фильма можно сделать сколько угодно дублей, пока сцена не выйдет идеальной. Если Мэрилин забудет реплику или начнет заикаться от волнения, всегда можно начать заново. Но прямой эфир? В нем нет права на ошибку. Она слушала интервью с Эллой, но та, как ни странно, говорит с репортерами очень скованно, даже обсуждая музыку. В основном ее интервью научили Мэрилин, чего делать не стоит.

И все же Мэрилин отлично справилась. Скоро все узнают, что она не только превосходно играет в фильмах, но и на радио выступает не хуже.

* «А-Тискет, А-Таскет» (англ. «A-Tisket. A-Tasket») — детская песенка, впервые записанная в Америке в конце XIX века. Впоследствии Элла Фицджеральд переработала эту песню вместе с композитором Элом Фельманом, превратив ее в знаменитый джазовый сингл (1938).

— Мэрилин! Мэрилин! — перекрикивают друг друга репортеры, как голодные боровы.

— Большое вам спасибо, — говорит она, направляясь к такси, которое увезет ее домой.

— Мэрилин, это правда, что ты встречаешься с Джо Ди Маджо? — Этот вопрос заставляет ее на миг замереть. Перед глазами у нее встает образ высокого, очаровательного бейсболиста, в которого она по-настоящему влюбилась.

— Он чудесный человек и, говорят, играет тоже неплохо, — ирливо отвечает она. На их первом свидании она понятия не имела, кто он такой.

Новости о том, что он знаменит, застали ее врасплох. Джо посмеялся и сказал ей, что это очень мило.

Вот бы Джо был здесь, чтобы отметить ее успех. Но он уже вернулся в Нью-Йорк.

— Мэрилин, ты не собираешься к Джо в Нью-Йорк?

Она очень любит Нью-Йорк. Особенно Бруклин. Ей вспоминается Бруклинский мост — самый удивительный мост, который она видела, с поразительной историей.

— Сейчас мне нужно готовиться к съемкам в Лос-Анджелесе. Может быть, загляну на следующей неделе, когда буду открывать конкурс красоты «Мисс Америка» в Нью-Джерси. — Она в восторге от платья, которое ей сшили для этого мероприятия. Такое стильное и сексуальное — в самый раз для Мэрилин Монро. В нем она чувствует себя красоткой.

— Если бы ты участвовала в конкурсе, то затмила бы всех.

Мэрилин смотрит в сторону, откуда раздался голос:

— Как мило с вашей стороны.

— Когда Ди Маджо приедет тебя навестить?

— Ох, я понятия не имею. — Они просто хотят отметить нужный день в своих календарях, чтобы за ней проследить. — Боюсь, менеджер просто так его не отпустит. — Она одаряет репортеров сияющей улыбкой, и ей отвечают вспышками камер.

— Мэрилин, Джейн Расселл получит за ваш следующий фильм намного больше тебя. Что ты об этом думаешь? — Такого вопроса Мэрилин не ожидала. На миг она теряет дар речи.

Она не в курсе, сколько зарабатывает Джейн. Кто-то выкрикивает цифру. Если это правда, Джейн действительно платят намного больше, чем ей. Мэрилин кажется, будто ее ударили обухом по голове.

После первой встречи Мэрилин решила, что ее партнерша по съемочной площадке весьма очаровательна. Джейн напоминает настоящую амазонку своей точеной фигурой, блестящими каштановыми волосами и выразительными карими глазами. Во время первой читки Джейн вела себя так дружелюбно, почти как старшая сестра. Готовясь к съемкам, Мэрилин много занималась со своей преподавательницей актерского мастерства, Наташей. А благодаря Джейн с ее спокойным голосом и изящными манерами каждая сцена выходила безупречной.

Пока все эти мысли стремительно проносятся у нее в голове, Мэрилин сохраняет хладнокровие и ни на миг не перестает улыбаться. Но в глубине души она в ярости.

— Джейн очаровательна. Я счастлива, что буду работать вместе с ней. — Мэрилин не покажет им, что выбита из колеи. Репортеры сказали это лишь затем, чтобы ее спровоцировать. Они всегда хотят ее спровоцировать. Скандалы поднимают продажи не хуже, чем секс.

Ее сердцебиение учащается. Пора уезжать.

Мэрилин посылает в толпу воздушный поцелуй и садится в такси, на мгновение прижимая ладони к прохладному кожаному сидению. Потом машет репортерам, которые обступают машину, пытаясь заглянуть внутрь. Боровы превратились в стервятников, старающихся урвать себе кусочек мертвой туши.

Приехав домой, она по-прежнему думает про Джейн и репортеров. В почтовом ящике ее ждет конверт со знакомым ярлыком для обратной отправки. Она писала Элле уже несколько раз, но ответ пришел впервые.

Элла Фицджеральд.

Мэрилин улыбается и торопливо вскрывает конверт, едва дойдя до входной двери. Внутри ее ждет написанное от руки короткое послание:

*Дорогая Мэрилин,
в упорстве вам не откажешь.*